

Се Ляньфан обернулся и незаметно зыкнул на А-Хуа и А-Си, подавая им знак остаться у самого входа. Там, полуприкрытые тяжёлым пологом, они могли прекрасно слышать весь разговор и при этом не мозолить глаза. Сам же он в сопровождении служанки обогнул резную ширму и, сделав несколько шагов вперёд, почтительно склонился перед Цэнь Цзинем.

Старому князю Цэню исполнилось шестьдесят. Это был мужчина среднего телосложения, который благодаря многолетней праздности и роскошной жизни выглядел от силы лет на сорок-пятьдесят, хотя на лице его и проступали следы затяжного недуга. Он лениво полулежал на широком палисандровом ложе, укрыв ноги привезённым из Западных краёв плотным шёлковым ковром с круговыми узорами. Позади ложа высился огромный экран, на котором золотом и лазурью сиял вышитый павлин, распутивший великолепный хвост. На небольшом столике посреди кушетки лежала неоконченная партия в облавные шашки и стояли две чаши с ароматным чаем. Чуть поодаль замерли в ожидании приказаний несколько служанок.

Заметив вошедшего, Цэнь Цзинь махнул рукой, приказывая служанкам отойти подальше, и с улыбкой проговорил:

— Лянь-эр, ты что-то совсем позабыл старика. Или тебя привязало к себе новое увлечение, укравшее твоё сердце?

Се Ляньфан слащаво улыбнулся и, сделав шаг ближе, пристроился у края ложа.

— Благодеяния вашей светлости Лянь-эр не забудет до гробовой доски. О каком новом увлечении может идти речь?

Вторя своим словам, он принялся бережно разминать плечи князя.

— Как ваше драгоценное здоровье в эти дни?

— Сносно, — вздохнул Цэнь Цзинь. — Да только хлопот прибавилось. То и дело являются незваные гости, желающие пожить за мой счёт, и отвязаться от них — сущая мука. Если бы меня никто не тревожил, жилось бы куда спокойнее.

— У великого дома и забот без счёта, — ласково проговорил Се Ляньфан. — Ныне старшая уездная принцесса уже вошла в лета. Ещё будучи в Тунчуане, я слышал, как ловко она управляет всеми делами в поместье, так что моё сердце было спокойно. И всё же я беспрестанно сокрушаюсь о вашей светлости.

— Все вы горазды соловьём разливаться, — мягко усмехнулся старый князь. — Поди разбери, обо мне ли ты печёшься или о моём золоте да сокровищах.

— Ваша светлость изволит шутить, Лянь-эр не смеет и помыслить о таком, — притворно обиделся Се Ляньфан. — Моя преданность чиста. Если бы не ваша милость, разве стоял бы я

здесь сегодня?

Князь повернул голову и пристально посмотрел на него, после чего протянул руку и слегка коснулся его подбородка.

— Звучит почти искренне.

Се Ляньфан скосил глаза на стоящих в отдалении служанок и кокетливо протянул:

— Ваша светлость...

Цэнь Цзинь убрал руку и с глубоким вздохом откинулся на мягкие подушки.

Видя его утомление — судя по всему, приём гостей за последние дни изрядно измотал старика, — Се Ляньфан смекнул, что упускать столь редкий случай нельзя. Иначе Ян Е, этот неблагодарный волчонок, непременно найдёт способ сжить его со света. Желая развлечь князя, он принялся увлечённо пересказывать городские сплетни и забавные толки.

Его мягкий, струящийся говор постепенно вернул князю благодушное расположение духа. На лице Цэнь Цзиня вновь появилась одобрительная улыбка.

— Твоя болтовня, как всегда, тешит душу, — промолвил он. — Эх, стар я стал. В последние два года совсем забросил тебя.

— Ваша светлость в самом расцвете сил, ведь вам исполнилось всего шестьдесят, — возразил Се Ляньфан. — Лянь-эр надеется подносить вам чашу долголетия и на семидесятую, и на восьмидесятую весну!

— Не заглядывай так далеко, — рассмеялся князь. — Скажи лучше, привёз ли ты мне в этот раз что-нибудь интересное?

— Я привёл с собой лучших музыкантов и плясунов из Терема Гибискуса, дабы они уладили ваш взор своими искусствами во время пиршества, — оживился Се Ляньфан. — К слову, со мной прибыли ещё двое. Они безмерно почитают вашу светлость и давно мечтали засвидетельствовать своё почтение, приготовив скромные дары. Вот я и... дерзнул привести их с собой.

Князь приподнял голову. Его взгляд, подёрнутый ироничной дымкой, скользнул по лицу собеседника.

— О как? — неторопливо произнёс он. — Уж не о тех ли двоих стражниках речь, что сейчас подслушивают за портьерой? Один зовётся А-Хуа, другой — А-Си, верно?

Се Ляньфан растерялся и пробормотал, потупив взор:

— Ах... Ваша светлость... От вашего пронизательного взора ничто не укроется. Так изволите ли вы принять их?

— Если бы в поместье князя Цэня мог беспрепятственно явиться любой встречный, эта дряхлая голова давно бы покоилась в сырой земле, — усмехнулся старик. — Однако ради тебя, Лянь-эр, я готов сделать исключение. Раз уж они здесь, отчего бы не выслушать? К тому же кое-кто тоже горит желанием взглянуть на них. Позови их.

Ян Си и Ян Е обменялись быстрыми взглядами за портьерой. Ян Си слегка потянул брата за рукав, и они вместе вышли из укрытия. Приблизившись к кушетке князя, оба опустили на колени и совершили три чинных поклона, коснувшись лбом пола.

— Младший, четвёртый сын Прежнего императора Ян Си, вместе с единственным сыном шестого великого князя, маркизом Хуайнаня Ян Е, приветствуют великого князя Цэня, — произнёс Ян Си.

Старик пошевелился на ложе, словно собираясь приподняться и самолично помочь им встать, однако недуг сковал его движения.

— Почтительный поклон князя Чжао — слишком высокая честь для этого старика, — негромко проговорил он. — Прошу вас, поднимитесь. Года берут своё, разум мой мутится. Ваше высочество столь благороден, проделал столь долгий путь, а встречен был столь неласково. Мне искренне неловко за этот приём. Лянь-эр, помоги князю Чжао подняться.

Се Ляньфан поспешно шагнул вперёд, выказывая услужливость. Братья поднялись, опираясь на его жест. Подошедшие служанки указали им на кресла по левую сторону от ложа и поднесли свежезаваренный чай.

Цэнь Цзинь некоторое время молча разглядывал гостей. Под его оценивающим взором они сохраняли безупречную скромность и почтение.

— Князь Чжао ищет встречи со мной уже не в первый раз, — наконец нарушил молчание старик. — Прежде ко мне дважды наведывался тот генерал Бэйчэнь. Столь упорные попытки заслуживают уважения. Коль скоро судьба свела нас сегодня, давайте оставим недомолвки. Говорите прямо, зачем пришли.

На лице Ян Си промелькнуло мимолётное смущение, и он вновь поднялся, отвесив глубокий поклон. Ян Е тотчас последовал его примеру.

— Раз так, я не стану таиться от старшего, — заговорил Ян Си. — Несметное время я с войсками оборонял рубежи у заставы Фэньюй, однако по неизвестной причине впал в

немильность у императора. Вынужденный поднять оружие ради защиты собственного имени, я лишь искал справедливости. Но у меня не достаёт ни талантов, ни мудрости. Ныне я оказался зажат в тиски, моё войско вынуждено скитаться без прикаяния, а положение наше стало отчаянным. Посему я нижайше прошу великого князя Цэня протянуть нам руку помощи.

Цэнь Цзинь на мгновение задумался, поглаживая подбородок.

— Для начала присядьте, — ровно промолвил он.

Когда братья вернулись на свои места, старик продолжил:

— Коль скоро князь Чжао сам обратился ко мне, это дело можно обсудить. Однако этот принц-консорт Сицзя, Цзинь Яжэнь, прежде бесчинствовал у Трёх застав, а теперь увязался за вашим высочеством в эти земли. Его нукеры творят беззакония, и местные чиновники завалили меня жалобами. У меня уже голова идёт кругом от их плача. Вся эта смута началась из-за вас, посему именно князю Чжао надлежит избавить меня от этого сброда.

Слова старого князя заставили Ян Си втайне возликовать. Ведь он изначально рассчитывал навлечь на чужеземцев гнев князя Гуаньчжуна. Схема сработала безупречно.

— Это мой несомненный долг, — с готовностью отозвался Ян Си. — Однако мои воины истощены, у нас на исходе провиант. Нам крайне необходима поддержка вашей светлости.

Цэнь Цзинь небрежно махнул рукой и достал из-под подушки яшмовый жетон. Он передал его Се Ляньфану, чтобы тот вручил доверительный знак Ян Си.

— Я выделю вам зерна на двадцать дней. Послезавтра в полдень пусть ваши люди придут в лагерь Дася, что в пятидесяти ли к востоку от Тунчуаня. Этот жетон послужит пропуском для начальника амбаров. У вас есть двадцать дней, чтобы вышвырнуть этого пришельца вон. Лишь после этого мы вернёмся к обсуждению прочих дел.

Смысл этих слов был ясен без перевода: не справитесь — можете больше не показываться в Чанъани.

— Ваше решение великодушно, — почтительно произнёс Ян Си. — Могу ли я просить дозволения остаться в городе до завершения торжеств по случаю юбилея вашей светлости?

Цэнь Цзинь снисходительно улыбнулся.

— Оставьте пустые церемонии и поспешите к своим обязанностям. В дарах я также не нуждаюсь. Моя дочь Вэньцзян справедливо заметила, что ваши подношения принесут куда больше пользы, если вы пустите их на жалованье своим ратникам.

С этими словами князь пригубил чай, давая понять, что аудиенция окончена. Ян Си поспешил откланяться:

— В таком случае мы не смеем более тревожить покой вашей светлости. Позвольте отбыть.

Се Ляньфан остался в покоях, а Ян Си и Ян Е, лишившись роли телохранителей, в сопровождении княжеских стражников покинули резиденцию и направились обратно к своему постоялому двору.

Едва провожатые скрылись за поворотом улицы, Ян Е заговорщически придвинулся к брату и негромко произнёс:

— Брат, за этой огромной ширмой с вышитым павлином кто-то прятался. В глазах птицы проделаны две крошечные дырочки, сквозь которые за нами наблюдали.

Ян Си молча кивнул и, увлекая его за собой, свернул в неприметный переулок. Лишь отойдя на безопасное расстояние, он тихо заговорил:

— На столике князя лежала недоигранная партия и стояли две чаши с чаем. Должно быть, они прервали игру как раз перед нашим появлением. Судя по намёкам хозяина Се, это не кто иной, как Жэнь Гуань. Помнится, его ученик Цзин Хуайюй при нашей первой встрече тоже разглядывал меня с ног до головы. Ума не приложу, что они пытаются высмотреть на моём лице.

Ян Е шутливо фыркнул:

— Быть может, разглядели лик истинного владыки Поднебесной?

Ян Си любя щелкнул брата по лбу.

— Попридержал бы ты свой дерзкий язык. Мы сегодня под чужой личиной, что он мог там разглядеть? Два дня назад я через Се Ляньфана передал ему послание с просьбой замолвить за нас словечко перед старым князем. Но подобные дела лучше обсуждать с глазу на глаз. Если бы удалось встретиться лично, это бы решило многие вопросы.

Ян Е так и загорелся любопытством.

— И что же ты написал ему в том письме? Неужто он согласится?

Ян Си понизил голос почти до шепота:

— Я спросил его: «Желает ли почтенный наставник перевернуть этот мир и сотворить великое предначертание вместе со мной? В грядущем я почту за честь назвать его Государственным наставником. Все леса и горы Поднебесной будут открыты для его вольного странствия».

Он тяжело вздохнул.

— Согласится ли он — одному небу известно. Воины Сицзя свирепы и скоры на расправу. С нашими нынешними силами выгнать Цзинь Яжэня за двадцать дней — задача почти невыполнимая. В такой судьбоносный час нам не обойтись без конницы Юньци и генерала Юаня. Юньци не раз сходил с ними в бою, у него должен быть план. Чуть позже велю Вэй Линьсяню отправить им весть.

Ян Е на секунду задумался, а затем его губы расплылись в лукавой усмешке.

— Брат, у меня есть задумка. Что если мне занять у хозяина Се десяток писанных красавиц и отправить их принцу-консорту якобы от имени князя Цэня? Вместе с тем мы спешно зашлём преданных людей в их Город Юньчжун, дабы те пустили слух, будто зять сицзяского престола принял щедрый дар старого князя, погряз в усадях среди земель Гуаньчжуна и теперь вынашивает замысел удержать под подчинённым крылом свои войска, не желая возвращаться на родину. Любопытно будет поглядеть, какую бурю поднимет их старшая принцесса.

Ян Си изумлённо воззрился на него, а затем покачал головой:

— Ну и горазд же ты на каверзы... Однако в твоих словах есть резон. Давай испробуем оба пути.

Братья оказались правы. Едва за ними закрылись двери, из-за павлиньей ширмы неторопливо вышел мужчина.

— Поздравляю вашу светлость, — с усмешкой проговорил он. — Кажется, вас снова изрядно пощипали.

Цэнь Цзинь досадливо вздохнул:

— Перестаньте насмехаться надо мной, господин Жэнь. К чему мне это богатство и бескрайние угодья? Только и делать, что отбиваться от всяких нахлебников. На старости лет я остался без наследника, у меня лишь две дочери. Разумеется, каждый проходимец норовит запустить лапу в мои дела. Эх!

В его протяжном вздохе сквозило глубокое разочарование.

Вышедший из укрытия мужчина был не кем иным, как советником департамента охоты и лесов Жэнь Гуанем. Лицо его отличалось благородной бледностью и утончённой красотой, однако, в

отличие от своего безупречно одетого ученика Цзин Хуайюя, сам наставник выглядел крайне небрежно — его поношенные одежды были покрыты заплатами. Он бесцеремонно опустился на стул напротив князя и с улыбкой проговорил:

— Неужто великий князь до сих пор сокрушается об отсутствии сыновей? И старшая, и младшая дочери — ваша плоть и кровь. Лишь заостенелые мирские предрассудки требуют, дабы их дети непременно носили имя зятя. Но если сыщется тот, кто пренебрежёт глупыми устоями и согласится дать вашему внуку имя рода Цэнь, разве это не продолжит вашу династию?

Эти слова заставили старого князя невольно встрепнуться. Мысль показалась ему заманчивой, однако он тут же усомнился: даже если принять в дом примака, удастся ли сохранить за ним право наследования титула? Увы, старшая дочь Вэньцзян уже ослушалась его воли и выбрала младшего отпрыска дома Чу. Этот малец хоть и недотёпа, зато выказывает почтение. А младшая, Умэй, ещё слишком юна, отдавать её пока рано. Придётся отложить эти думы на потом.

Подметив колебания князя, Жэнь Гуань небрежно расправил широкий рукав своей ветхой мантии и как бы невзначай спросил:

— Что скажет ваша светлость о нынешнем князе Чжао?

— Взор мой затуманен годами, я плохо читаю в людских сердцах, — уклонился от прямого ответа князь. — А каково ваше мнение, господин Жэнь?

— Я помню его ещё дитятей, — неторопливо произнёс Жэнь Гуань. — Судьба этого человека отмечена редким и грозным клеймом, ибо начертанный ему путь созвучен со Звездой Семи Убийств. Находящийся подле него маркиз Хуайнаня Ян Е ведом Звездой Алчного Волка. А воюющий ныне на севере против генерала Вэй полководец Бэйчэнь соотносится со Звездой Разрушителя Армии. В подлунном мире немало тех, кому суждено родиться под сенью сих светил, однако среди них едва ли найдутся столь знатные мужи, наделённые столь выдающимися дарованиями. Ежели сопоставить их предназначения с нынешней смутой, то станет очевидно: в Поднебесной уже сошлось зловещее созвездие Убийства, Разрушения и Алчности — Шаполан.

Слышавшему о древних пророчествах князю стало не по себе. Он невольно выпрямился в постели.

— Прошу вас, поведайте подробнее. Старику любопытно послушать эти предвещения.

— В том нет великой тайны, — ответил Жэнь Гуань. — Звезда Семи Убийств знаменует мятежника, рушащего старые устои. Разрушитель Армии — яростный полководец, проходящий сквозь мир огнём и мечом. Алчный Волк — коварный и изворотливый советник. Рождённым под знаком Шаполан суждено нести перемены и хаос. Лишь в движении и борьбе они обретают победу и жизнь, их удел — великие взлёты и сокрушительные падения, вечные странствия без

покоя. И коль скоро эти три звезды сошлись воедино, озаряя дома друг друга, это означает лишь одно — Поднебесная обретёт нового владыку. Сие предначертание изменить не в силах никто.

<http://bllate.org/book/19546/1998819>